

Woman in Russian Society
2020. No. 1. P. 137—150
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.11

Женщина в российском обществе
2020. № 1. С. 137—150
ББК 63.3(2)614-8+76.003
DOI: 10.21064/WinRS.2020.1.11

Е. ВИНОГРАДОВА КАК ПУБЛИЧНАЯ ФИГУРА: ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ ЗНАМЕНИТОСТИ В ПРЕССЕ 1935—1936 гг.

Д. И. Наволоцкая

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Россия, dnavolotskaya@eu.spb.ru

Рассматривается образ стахановки Е. Виноградовой в качестве советской знаменитости. Анализ репрезентаций данного образа в прессе позволил выявить особенности советской культуры знаменитости, а также патриархальные черты советского общества. Советская культура знаменитости, во многом похожая на культуру знаменитости капиталистических стран, не противопоставляла частное и публичное. С одной стороны, это помогало избежать неравенства в изображении отношений между прославленными стахановцами и их многочисленными последователями, показать единство всех советских граждан как одной большой трудовой семьи. С другой стороны, репрезентация образа стахановки в качестве второстепенного члена этой семьи доказывала сохранение патриархальной гендерной иерархии в советском публичном дискурсе.

Ключевые слова: Е. Виноградова, стахановское движение, новая советская женщина, советский гендер, культура знаменитости.

E. VINOGRADOVA AS A PUBLIC FIGURE: THE IMAGE OF THE SOVIET CELEBRITY IN THE PRESS 1935—1936

D. I. Navolotskaya

European University at St. Petersburg,
St. Petersburg, Russian Federation, dnavolotskaya@eu.spb.ru

This article considers the image of stakhanovka E. Vinogradova as a Soviet celebrity. The analysis of Vinogradova's representations in the press reveals the features of the Soviet celebrity culture, as well as patriarchal nature of the Soviet society. Being similar to celebrity culture of the capitalist countries in many respects, Soviet celebrity culture did not oppose private and public. On the one hand, it helped to avoid inequality in relations between the famous stakhanovites and their "fans" and to show the unity of all Soviet citizens as one big working family. But on the other hand, the image of stakhanovka as a minor member of this family proved the preservation of the patriarchal gender hierarchy in the Soviet public discourse.

Key words: E. Vinogradova, Stakhanovism, new Soviet woman, Soviet gender, celebrity culture.

Введение

В ноябре 1935 г. газета «Известия» напечатала письмо публициста И. Эренбурга первой стахановке текстильной промышленности Евдокии Виноградовой: «...но, все же, как это хорошо, что фотографируют вас, Дуся! Знаете, за кем охотятся фоторепортеры парижских газет? За ревнивой бездельницей, пристрелившей своего мужа, за содержанкой американского короля жевательной резины или за “Мисс Францией” — так зовут в Париже будто бы самую красивую девушку. Выбирают ее знатоки. Они щурят глаза, меряют бедра, цитируют древних авторов и тихонько пускают слюну. На вас, Дуся, наверное, не раз заглядывались ивановские парни, но как хорошо, что вы не “Мисс Франция”, а первая работница Советской страны» [Эренбург, 1935]. Эренбург противопоставлял Е. Виноградову звездам капиталистических стран. В отличие от них Дуся обращала на себя внимание прессы не внешними данными, а личными достижениями, ведь прежде всего она была «первой работницей Советской страны». Это противопоставление говорит о том, что знатная стахановка и «мисс Франция» — феномены одного порядка, так как являются женщинами-знаменитостями.

Несмотря на то что в советской прессе нельзя было встретить таких слов, как «звезда» или «знаменитость», знатность стахановки предполагала известность, сравнимую с известностью западных селебрити. В данной статье предлагается рассмотреть образ Е. Виноградовой как попытку создания советской знаменитости, фундаментальным образом отличной от знаменитости в капиталистических странах. Такой подход позволяет вписать советскую культуру в общеевропейский культурный контекст и в то же время выявить особенности советской культуры знаменитости, а также доказать, что, хоть исторически западным моделям модерности и принадлежит первенство, они не являются единственными и одинаковыми для всех обществ [Дэвид-Фокс, 2016]. В западных обществах знаменитость играет важную роль в поддержании их основ — либеральной демократии и рыночного капитализма [Morgan, 2011: 100]. Их отсутствие в Советском Союзе при наличии массовых производства и потребления дает возможность определить общее и особенное в существовании одного явления в разных контекстах [Хоффманн, 2018: 15].

Культура знаменитости (celebrity culture) — характерный феномен современных обществ. Необходимыми условиями ее возникновения являются демократизация общества, понижение влияния религии, коммерциализация повседневной жизни, а также появление массовых производства и потребления [Fishzon, 2011: 799], распространенных медиа [Studlar, 2015: 58] и городской культуры развлечений [Лилти, 2018: 46, 47]. К общим характеристикам культуры знаменитости причисляют визуальность [Studlar, 2015: 58], публичность, растиражированность образа звезды [Лилти, 2018: 84]. Кроме того, важной составляющей популярности является взаимосвязь звезды и ее фанатов: споры о героях дня позволяют публике ощутить себя общностью зрителей — заинтересованных, взбудораженных, шокированных или восторженных [там же: 60]. Само существование известности зависит от массового узнавания определенного лица как селебрити [Studlar, 2015: 58].

Образ Евдокии Виноградовой обладал большинством из перечисленных характеристик. В середине 1930-х гг. она была одной из самых упоминаемых женщин страны. Простая работница становится известной благодаря публикациям статей и фото в прессе, за которыми следует выпуск специальной брошюры, посвященной ее авторскому стахановскому методу [Виноградова и др., 1935], и небольших биографических очерков [Софронов, 1936; Ракитников, 1938]. Вскоре о Евдокии и ее сменщице Марии Виноградовой снимается документальное кино [Дуся и Маруся Виноградовы... , 1936], и наконец, стахановка становится прототипом главной героини музыкального художественного фильма «Светлый путь» (1940 г.). В газетах писали о «необычайной переписке», которую стахановка вела с советскими гражданами из разных концов страны — советскими эквивалентами фанатов.

Однако советская массовая культура была полностью подконтрольна прагматике и дизайну партийно-государственных кампаний и не подчинялась коммерческим законам, от которых зависела популярность звезд в капиталистических странах. С момента появления феномена знаменитостей в XVIII в. издатели публиковали то, что пользовалось спросом у читателей, для получения максимальной выгоды, прежде всего подробности личной жизни их кумиров [Лилли, 2018: 116]. То есть по законам рынка большой спрос рождал пропорциональное предложение. Интерес советских граждан не мог прямо влиять на появление в публичном пространстве нового героя. Скорее публике предписывали, какой у нее должен быть вкус, так же как это было и на регулируемом рынке товаров и услуг, где советская промышленность планировала и распространяла товары с малым вниманием к спросу на них у потребителя [Oushakine, 2014: 210, 211].

В рамках культуры капиталистических стран селебрити были товаром, созданным для потребления массовой публикой с целью ее развлечения [Studlar, 2015: 1]. Поэтому в процессе создания образов звезд учитывались запросы аудитории, которая играла важную роль в успешности знаменитости как товара. Успешность советских героев не зависела от спроса на них как товар индустрии развлечений. Советские знаменитости создавались не как рекомендованные товары, способные развлечь, а как образцы для подражания, символизирующие прежде всего труд, работу над собой отдельного человека ради коллектива. Они содержали фундаментальную систему ценностей, следовать которой было не рекомендовано, а жизненно необходимо для здорового функционирования советского общества, как это преподносилось в прессе. По данной причине спрос аудитории на советских селебрити не влиял напрямую на создание их образов. Не только технический персонал, но и рядовые рабочие негативно относились к стахановцам [Siegelbaum, 1990: 83, 90, 93, 298], однако количество публикаций о них только возрастало в 1935—1936 гг.

Еще одним важным отличием советской культуры знаменитости была зависимость публичности фигуры от конкретных достижений. Если в капиталистических странах, как отмечает И. Эренбург, поводом к возрастающей известности могли стать скандальные подробности личной жизни, внешние данные, то советские герои были известны прежде всего за счет своих достижений на благо коллектива. Аудитория советской прессы также должна была узнавать в героях

из газет себя, а те ценности, которые пропагандировали на их примере, были жизненно важны для всех советских граждан и уж точно не предназначались для развлечения публики.

Таким образом, анализ культуры знаменитости позволяет получить представление о тех нормах, которые распространялись с помощью образа звезды. Прежде всего она служила примером человека, сумевшего сделать то, что являлось достижением в определенный период, для определенной категории людей [Turner, 2013: 10]. Кроме этого, образ знаменитости всегда обладал наибольшим влиянием в качестве ролевой модели индивидуального стиля и поведения, особенно для молодежи [Studlar, 2015: 58, 72]. Наконец, Е. Виноградова как публичная фигура и женщина представляла аудитории правильные гендерные роли [ibid.: 68].

В советской прессе, а потом и в историографии женщина — технический эксперт, активная общественница считалась показателем успешного осуществления советского проекта гендерного равенства [Чирков, 1978; Любимова, 1969]. Современные исследователи более критично относятся к попытке большевиков освободить женщин. Созданный в литературе или периодических изданиях образ новой советской женщины должен был привить определенную доктрину, предписывать роли в общественной сфере жизни, которые модифицировались в зависимости от требований политического момента [Goldman, 1993; Wood, 1997; Бородин, Бородин, 2000; Шабатура, 2006]. В литературе большое внимание уделяется культурологическому анализу визуальных источников с целью проследить способы формирования советского канона изображения новой женщины [Дашкова, 2002]. Цель данного исследования — сосредоточиться на содержательной стороне образа Е. Виноградовой, созданного в прессе, объяснить механизм возникновения публичной фигуры в советском контексте: какая информация должна была предаваться огласке, какая нет и что это могло сказать о советском гендерном порядке.

В данной работе я остановлюсь на анализе статей в прессе, освещавших трудовые рекорды стахановки, так как именно эти публикации имели наиболее широкое распространение. Советская пресса первой определяла, как писать об образцовых достижениях или общественно-политической деятельности стахановки. Несмотря на отличия, советских героев и звезд капиталистических стран объединяло внимание прессы, «назойливых журналистов», как отмечал И. Эренбург. Именно за счет прессы они становились публичными фигурами. В ходе исследования были рассмотрены статьи о ткачихах Виноградовых в изданиях центральных органов власти и общественных организаций, таких как «Правда», «Работница», «Известия», «Легкая индустрия», «Труд», «Комсомольская правда», «Пионерская правда».

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1935—1936 гг. 1935 г. — пик индивидуальных стахановских рекордов, когда после известий о высоких трудовых показателях А. Стаханова в августе 1935 г. появляется целый ряд новых «инициаторов высокой производительности труда» в разных отраслях [Инициаторы... , 1935]. С 1936 г. стахановское движение все больше утрачивает свою экстраординарность, а у инициаторов движения в легкой и тяжелой промышленности появляется множество последователей — рядовых стахановцев

в рамках отдельной фабрики или завода [Siegelbaum, 1990: 101, 102]. К концу 1930-х гг. снижается и частота упоминания Е. Виноградовой в прессе (всего за 1935 г. было 82 публикации, за 1936 г. — 43, 1937-й — 14, 1938-й — 19; 1939, 1940 гг. — 2).

Трудовые рекорды и общественно-политическая деятельность стахановки

Советская культура знаменитости репрезентировала принцип равных возможностей для всех советских граждан, отсутствие всяких иерархий. Поэтому газеты писали не о звездах, а о героях и героинях, слово «слава» использовалось вместо «популярности», «последователи» — вместо «фанатов» и «поклонников». Однако и в прессе на месте старой иерархии, построенной на эксплуатации труда, создавалась новая, в основе которой лежали достижения публичных фигур — героев, стахановцев. Пантеон советских героев был иерархичен. Образ Е. Виноградовой как стахановки и публичной фигуры легитимировал достижения советских женщин на производстве. Однако среди остальных «инициаторов высокой производительности труда» Е. Виноградова занимала второстепенное положение.

«Всесоюзный рекорд ткачихи Виноградовой» впервые был описан в газете «Легкая индустрия» как победа в конкурсе на «мировые нормы на ткацких автоматах» [Всесоюзный рекорд... , 1935]. Он заслуживал внимания, так как одна ткачиха в рабочую смену по норме стала обслуживать больше станков по сравнению с европейскими стандартами и приближалась к американским нормам труда. Данный факт был призван доказать наметившееся первенство Советского Союза и поставить под сомнение западные представления о способностях человека при работе со станками [там же]. Кроме того, всесоюзный рекорд был примечателен способом, с помощью которого Е. Виноградова одновременно обслуживала сразу семьдесят ткацких станков. Четкий, непрерывный маршрут — обход и наблюдение за работающими станками, строгая экономия времени должны были решить проблему хаотичности в движениях работниц. Главным условием успешного использования метода было соблюдение маршрута.

Помимо Е. Виноградовой, в статье упоминались и другие лучшие ткачихи-ударницы фабрики им. Ногина. Комплект из 70 станков она обслуживала вместе со сменщицами М. И. Виноградовой и В. М. Сандаловой. Однако выделялась в публикации только Е. Виноградова. По сравнению с такими же молодыми ткачихами она не только обслуживала данный комплект на момент выхода статьи, но и была «пионером высокой производительности труда на фабрике», т. е. одна из первых стала работать с большим количеством станков. Согласно архивным документам, Виноградовы с мая 1935 г. обслуживали комплект из 70 станков [РГАСПИ]. Впоследствии на протяжении двух лет, в 1935—1936 гг., Е. Виноградова появлялась в публикациях вместе с Марией Виноградовой, сменщиц и однофамилиц даже стали называть сестрами. Но в дуэте ткачих на страницах прессы в качестве технического эксперта всегда выделялась Евдокия.

Мария представляла старый путь овладения профессией, когда ткачиха-мастер передавала свой опыт работы подростку в цехе, а Евдокия — новый: она получила знания в школе фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Но так как

в сотрудничестве двух сменщиц, согласно материалам прессы, всегда лидировала Евдокия, получение технического образования в ФЗУ выигрывало по сравнению с индивидуальным ученичеством на фабрике. Будучи старше Евдокии на четыре года, Мария не могла учиться в ФЗУ, на производство она пришла значительно раньше, в 1926 г., и постигала ремесло в ученицах у старшей ткачихи [Лешуков, 1985: 13].

Подробное описание технической стороны виноградовского метода подчеркивало важность освоения новых технологий и одновременно должно было убеждать в том, что мир техники, прежде считавшийся мужским, теперь доступен и женщинам. Новый, рациональный метод работы по маршруту противопоставляется старому методу. Работница не должна была смотреть или возвращаться назад — иначе, как говорила Дуся, «будешь без толку бегать от станка к станку, пойдут завалы» [Всесоюзный рекорд... , 1935].

Рекорд Е. Виноградовой был результатом не только инициативности, но и успешного «овладения техникой», что традиционно считалось мужской прерогативой [Koenker, 1995: 1442]. При этом в публикациях всячески подчеркивалось, что такой заход на «мужскую территорию» ни в коей мере не означал отказа от традиционной женственности. Работа девушки со станками изображалась как естественное женское занятие. Производственный цех стахановки описывался как большое хозяйство, которым можно похвастаться [Растет и ширится движение... , 1935]. В присутствии Дуси ткацкие станки начинали оживать, а без нее становились бездушной техникой: «Зал замирает, тускнеет. <...> Без нее станки скучны и угрюмы. Мертвый чугун. Мертвые нитки. ...Через полчаса зал снова оживает». Станки приобретали антропоморфные черты: у каждого из них «свой нрав, свои легко уловимые особенности». Дуся заботится о том, чтобы ни один станок не был «в обиде, уделяя всем равное внимание» [Первое Всесоюзное совещание... , 1935]. В той же статье описывается, как после рабочей смены Е. Виноградова направляется в пионерский отряд, где она в качестве вожатой занимается воспитанием детей и относится к ним так же внимательно, как и к станкам. Место работы и дом стахановки не противопоставлялись: производственный цех приобретал черты уютного домашнего хозяйства, а к станкам стахановка, как к живым детям, испытывала материнское чувство заботы.

Автор другой статьи подчеркивал женственность Дуси и ее сменщицы, описывая, как придирчиво девушки выбирают нарядную рабочую форму, в которой они будут трудиться во время запланированного нового рекорда. Зайдя в выходной день в магазин, Виноградовы долго не могли подобрать цвет новых платьев для дня перехода на обслуживание 144 станков. Раскритиковав белый и черный выбор друг друга, ткачихи сошлись на шелковых темно-синих платьях [Виноградовы, 1935].

Легитимация женщин на производстве в публичном дискурсе сосуществовала с сохранением прежней гендерной иерархии, где преобладали мужчины. Отрасли тяжелой промышленности ценились больше и считались мужскими [Attwood, 1999: 2, 12; Голдман, 2010: 121]. Работница — инициатор стахановского движения в текстильной промышленности на страницах прессы маркировалась как женскую. Связанная с потреблением легкая промышленность

была не в приоритете советского экономического развития [Голдман, 2010: 124, 125]. Поэтому, хотя Дуся была полной противоположностью «отсталым» работницам из прессы 1920-х гг. [Koenker, 1995: 1439], как женщина и самая юная стахановка среди остальных инициаторов высокой производительности труда она всегда оставалась младшим членом символической трудовой семьи во главе со Сталиным. Образы стахановцев были частью культа Сталина, подтверждением достижений Советского государства, а следовательно, и подтверждением его легитимности [Chatterjee, 1999: 4]. Фигура вождя, в свою очередь, репрезентировала тех членов общества, которые обладали наибольшей властью — мужчин [Плампер, 2010: 13].

Расширение границ советской женственности за счет освоения женщиной мужской сферы деятельности, как отмечает А. Крылова, не разрушало прежнюю гендерную иерархию [Krylova, 2011: 13, 14]. Женская сфера — текстильная промышленность — сохраняла свое подчиненное положение по сравнению с остальными отраслями. Обладая всеми образцовыми мужскими признаками профессионализма, Е. Виноградова сохраняла фемининные черты во внешности, а ее работа со станками репрезентировалась как естественное женское занятие.

Стахановка, будучи публичной фигурой, легитимировала новые возможности, открывшиеся для советской женщины не только на производстве, но и в политике. Теперь женщина была способна освоить технику, активно занималась общественно-политической деятельностью. Евдокия участвует во Всесоюзном совещании стахановцев [Siegelbaum, 1990: 84], а во время совещания в Наркомате легкой промышленности она выступает активным критиком технического персонала предприятий [Речь орденоноски... , 1936]. Следующая ступень — учеба в Промышленной академии им. Молотова, во время которой Виноградова посещает «митинг по вопросам помощи детям и женщинам героической Испании» [Знатные ткачихи... , 1936]. Итогом политической карьеры Е. Виноградовой становится ее избрание депутатом Верховного Совета СССР в 1937 г. [Депутаты Верховного Совета СССР... , 1937].

Однако по степени близости к принятию политических решений стахановка заметно проигрывала другим «инициаторам высокой производительности труда». К примеру, Н. Сметанин — инициатор стахановского движения в обувной промышленности еще до своего избрания в депутаты Верховного Совета участвовал в редакционных комиссиях Сталинской конституции 1936 г. [Речь т. Н. С. Сметанина... , 1936]. В прессе активно печатали его речи как кандидата [Выступление т. Сметанина... , 1935], рекомендательные письма в его адрес в рамках избирательной кампании [Наш кандидат... , 1937]. Присутствие Е. Виноградовой в политической сфере было менее заметно. Не было опубликовано ни одной ее речи в качестве кандидата или уже действующего депутата Верховного Совета, рекомендательных писем ей как кандидату. Это свидетельствует о том, что двери в политическую сферу для женщин были открыты, но идеальная работница являлась больше текстильщицей и комсомолкой, чем политиком.

«Личная жизнь»

Личная жизнь Е. Виноградской как публичной фигуры также предавалась огласке. Однако границы между частным и публичным в ее жизни были крайне размыты и даже совпадали. Не только из-за того, что производство репрезентировалось как домашнее хозяйство стахановки, а станки как дети, но и за счет того, что ее семья, досуг в репрезентациях были тесно связаны с коллективом, публичным пространством.

Семье Е. Виноградской посвящалось значительно меньше статей по сравнению с публикациями о ее трудовых рекордах и общественно-политической деятельности. Но все, что было известно о ее родных, служило созданию образа идеальной дочери или матери. Семья Е. Виноградской, о которой писали в газетах, состояла из матери и дочери. Отец Дуси никогда не упоминался. Однако, согласно прессе, Евдокия не испытывала недостатка в родственниках. Она была младшей сестрой по труду сменщицы-однофамилицы Маруси Виноградской, младшей стахановкой среди инициаторов высокой производительности труда, подругой народной артистки, представительницы старой интеллигенции Е. П. Корчагиной-Александровской. Как новая советская женщина уже в качестве депутата Верховного Совета Дуся напрямую общалась с избирателями, хлопотала и пыталась помочь каждому, словно заботливая мать и в то же время истинная дочь рабочего класса. Единственным мужчиной в этой символической семье, о которой писали в прессе, был Сталин. Именно благодаря ему стали возможны трудовые рекорды первой стахановки.

Таким образом, родственные связи, возникавшие на основе трудовых отношений, на примере образа стахановки приравнивались к родству по крови и ценились даже больше. Дружба на основе труда, приводившая к возникновению родственных связей, объединяла всех советских граждан в одну большую семью. Образ большой трудовой семьи, созданный в прессе, не содержал разделения между частным и публичным, а женщине в нем отводилась роль дочери или матери, заботящейся прежде всего о всех советских гражданах.

Если на производстве, в политике, сферах публичной жизни, ранее чуждых женщине, стахановка выполняла традиционные женские роли матери или дочери, то в реальной семье она брала на себя мужскую роль. Работа позволяла Е. Виноградской и ее матери, несмотря на отсутствие «кормильца» в семье, быть экономически независимыми. Мать Дуси брала на себя роль завхоза, распределявшего общий бюджет, а дочь была основным «добытчиком». Заработка Дусе хватало, «чтобы хорошо питаться и удовлетворять свои бытовые и культурные запросы» [Бюджет семьи Виноградных, 1935]. В своих интервью после традиционных слов о количестве выработанной ткани Дуся говорила об увеличившемся заработке [По примеру Е. Виноградской, 1935; Мастерам высокой производительности..., 1935]. Образование, трудовые рекорды делали женщину независимой и обеспеченной.

Личный досуг Е. Виноградской хоть и был направлен на разностороннее развитие собственной личности, но в конечном итоге предназначался для коллектива. Ведь умение «следить за собой», «культурно себя держать» говорили о навыках самоконтроля, что, в свою очередь, способствовало развитию более сложных технических навыков. Культурность, таким образом, становилась

источником эффективности промышленного труда [Волков, 1996: 211]. Распространение культурности шло от внешних практик к внутренним — от опрятности и хороших манер до идеологической убежденности [там же: 216].

Первые индивидуальные стахановские рекорды поддерживали кампанию по распространению культурности. В контексте 1930-х гг. культурный образ жизни прививался рабочим с целью нормализации обихода и общественного порядка в городах, переживавших массовый приток мигрантов из сельской местности [там же: 206, 208]. К ценностям культурности относили практики как ухода за внешностью, потребления качественных товаров, так и разностороннего самообразования, внутренней работы над собой. Досуг ткачихи Виноградовой совмещали с чтением технической и художественной литературы, Е. Виноградова занималась спортом и даже участвовала в театральной труппе молодежного театра [Всесоюзный рекорд... , 1935]. Ткачихи непременно посещали театр, когда были на слетах и совещаниях в Москве. Не забывала Е. Виноградова и про техническое образование — основу своей работы: она закончила ФЗУ, а потом и Промышленную академию в Москве.

Однако образ Евдокии не был универсальным. Юная текстильщица-комсомолка могла быть показательным примером профессиональной программы для женщин первого советского поколения, молодых городских жительниц в 1930-х гг. Для женщин из параллельного мира деревни образец представляла женщина-трактористка Паша Ангелина, для работниц старшего поколения примером для подражания была инициатор первой сквозной стахановской бригады А. А. Шавалева. С началом пронаталистического поворота в 1936 г. новые образы-ориентиры стали появляться и специально для матерей-стахановок.

Пик публикаций о ткачихах Виноградовых приходится на 1935 г., когда в упомянутых изданиях центральных органов власти выходит около 82 статей, заметок, посвященных новым трудовым рекордам ткачих. Вместе с утратой стахановским движением экстраординарности уже после 1936 г. имя ткачих Виноградовых все реже встречается в газетах, количество публикаций о них сокращается почти в два раза — до 43: стахановки упоминаются в связи с празднованием годовщины стахановского движения, 8 Марта, съезда комсомола. В 1937—1939 гг. Виноградовы предстают уже по отдельности в качестве слушательниц Промышленной академии им. Молотова, а потом и депутатов Верховного Совета СССР. Образ стахановки был «на волне» и активно тиражировался до тех пор, пока представлял актуальные ролевые модели для советских граждан, успев стать шаблоном для изображения новых героинь.

Заключение

Особенности образа Е. Виноградовой как советской знаменитости позволяют посмотреть на нее не только как на инструмент пропаганды [Attwood, 1999: 2; Buckley, 2006: 67; Siegelbaum, 1990: 148]. В отличие от знаменитостей капиталистических стран [Studlar, 2015: 58] известность стахановцев напрямую зависела от их личных достижений. Они были направлены прежде всего на благо коллектива, который и прославлялся в лице героя. Во многом благодаря этому огласке предавалась информация (а значит, она одобрялась), имеющая прямое или косвенное отношение к коллективу. В этом случае информация

о личности ради нее самой, а не коллектива считалась если не скандальной, то неприличной, что и подразумевал И. Эренбург, счастливо отмечая кардинальное отличие Е. Виноградовой от «мисс Франция».

Таким образом, советская культура знаменитости выполняла диаметрально противоположную функцию по сравнению с культурой знаменитости капиталистических стран. Частное и публичное в советской культуре не противопоставлялись, между ними ставился знак равенства. Это должно было помочь избежать всяких иерархий, что и отразилось на языке описания советских знаменитостей. Между стахановцами и их последователями нет дистанции, они скорее родственники по труду, но не фанаты и далекие от них звезды. Однако в силу того что женщина осваивала нехарактерные для себя роли технического эксперта, политика, «кормильца семьи», патриархальная гендерная иерархия не нарушалась.

Библиографический список

- Бородин А., Бородин Д.* Баба или товарищ?: идеал новой советской женщины в 20—30-х годах // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете: сборник научных работ. 2000. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm (дата обращения: 10.01.2019).
- Бюджет семьи Виноградовых // Легкая индустрия. 1935. 30 сентября.
- Виноградова Е., Виноградова М., Лебедева Е.* Наш метод работы. Иваново: Гос. изд-во Иван. пром. обл., 1935. 52 с.
- Виноградовы // Легкая индустрия. 1935. 7 ноября.
- Волков В. В.* Концепция культурности, 1935—1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 194—213.
- Весоюзный рекорд ткачихи Виноградовой // Легкая индустрия. 1935. 12 сентября.
- Выступление т. Сметанина на Ленинградском вокзале в Москве // Легкая индустрия. 1935. 15 ноября.
- Голдман В.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917—1937 гг.). М.: РОССПЭН, 2010. 358 с.
- Дашкова Т.* Идеология в лицах: формирование визуального канона в советских журналах 1920—1930-х годов // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века / под ред. К. Аймермайхера, Г. Бордюгова, И. Грабовского. М.: АИРО-XXI, 2002. 480 с.
- Депутаты Верховного Совета СССР — работники легкой промышленности // Легкая индустрия. 1937. 18 декабря.
- Дуся и Маруся Виноградовы: передача смены // Легкая индустрия. 1936. 18 января.
- Дэвид-Фокс М.* Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna-pr.html> (дата обращения: 15.01.2019).
- Знатные ткачихи — студентки Промакадемии // Работница. 1936. № 28. С. 9.
- Инициаторы высокой производительности труда // Правда. 1935. 13 октября.
- Леиуков Т. Н.* Виноградовскими маршрутами: полвека стахановского движения текстильщиков. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1985. 103 с.

- Лилти А.* Публичные фигуры: изобретение знаменитости (1750—1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 496 с.
- Любимова С. Т.* Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9. С. 68—77.
- Мастерам высокой производительности — поддержку и внимание // Легкая индустрия. 1935. 16 октября.
- Наш кандидат — Николай Сметанин // Известия. 1937. 21 октября.
- Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц — стахановцев промышленности и транспорта: люди сталинской закалки // Пионерская правда. 1935. 16 ноября.
- Плампер Я.* Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 496 с.
- По примеру Е. Виноградовой // Легкая индустрия. 1935. 26 сентября.
- Ракитников А. Н.* Евдокия Викторовна Виноградова. М.: Госполитиздат, 1938. 20 с.
- Растет и ширится движение виноградовцев и сметанинцев. Премии инициаторам-передовикам // Легкая индустрия. 1935. 6 октября.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 85. Д. 633. Оп. 29. Л. 13 [Орджоникидзе Г. К. Пометки на списке стахановцев промышленности и транспорта г. Москвы и области, Донбасса и др., не ранее 13 ноября 1935 г.].
- Речь Николая Сметанина у молодежи Московского избирательного округа // Комсомольская правда. 1937. 27 ноября.
- Речь орденоноски Е. В. Виноградовой, стахановки фабрики им. Ногина, на совещании стахановцев в Наркомлегпроме // Легкая индустрия. 1936. 30 августа.
- Речь т. Н. С. Сметанина на VIII Чрезвычайном съезде Советов // Легкая индустрия. 1936. 27 ноября.
- Софронов Н. С.* Дуся Виноградова. М.: Мол. гвардия, 1936. 125 с.
- Хоффманн Л. Д.* Вращивание масс: модерное государство и советский социализм, 1914—1939. М.: Новое лит. обозрение. 2018. 424 с.
- Чирков П. М.* Решение женского вопроса в СССР, 1917—1937 гг. М.: Мысль, 1978. 255 с.
- Шабатура Е. А.* Гендерный анализ образа «новой женщины» в советской культуре 1920-х годов // Омский научный вестник. 2006. № 8. С. 18—22.
- Эренбург И.* Письмо Дусе Виноградовой // Известия. 1935. 21 ноября.
- Attwood L.* Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922—1953. New York: St. Martin's Press, 1999. 213 p.
- Buckley M. E.* A Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. 367 p.
- Chatterjee C.* Soviet heroines and public identity // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1999. № 1402. P. 1—17.
- Fishzon A.* The operatics of everyday life, or How authenticity was defined in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2011. Vol. 70, № 4. P. 795—818.
- Goldman W. Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 351 p.
- Koenker D. P.* Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: gender and class in the socialist workplace // The American Historical Review. 1995. № 5. P. 1438—1464.
- Krylova A.* Soviet Women in Combat. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 336 p.
- Morgan S.* Celebrity: academic “pseudo-event” or a useful concept for historians? // Cultural and Social History. 2011. № 1. P. 95—114.
- Oushakine S. A.* “Against the cult of things”: on Soviet productivism, storage economy, and commodities with no destination // The Russian Review. 2014. Vol. 73, № 2. P. 198—236.

- Siegelbaum L. H. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 344 p.
- Studlar S. The changing face of celebrity and the emergence of motion picture stardom // *A Companion to Celebrity* / ed. by P. D. Marshall, S. Studlar. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015. 584 p.
- Turner G. Picture personalities, stars and celebrities // *Understanding Celebrity* / ed. by G. Turner. Thousand Oaks: Sage Publishing, 2013. 184 p.
- Wood E. A. *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 320 p.

References

- Attwood, L. (1999) *Creating the New Soviet Woman: Women's Magazines as Engineers of Female Identity, 1922—1953*, New York: St. Martin's Press.
- Borodina, A., Borodin, D. (2000) Baba ili tovarishch?: Ideal novoi sovetskoi zhenshchiny v 20—30-kh godakh [Baba or friend?: The ideal of a new Soviet woman in the 1920s and 1930s], *Zhenskie i gendernye issledovaniia v Tverskom gosudarstvennom universitete*, available from http://www.a-z.ru/women_cd1/html/borodini.htm (accessed 10.01.2019).
- Buckley, M. E. (2006) *A Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields*, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Chatterjee, C. (1999) Soviet heroines and public identity, *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, no. 1402, pp. 1—17.
- Chirkov, P. M. (1978) *Reshenie zhenskogo voprosa v SSSR, 1917—1937 gg.* [The solution of the female issue in the USSR, 1917—1937], Moscow: Mysl'.
- Dashkova, T. (2002) Ideologiya v litsakh: formirovanie vizual'nogo kanona v sovetskikh zhurnalakh 1920—1930-kh godov [Ideology in the faces: the formation of the visual canon in Soviet magazines of the 1920s — 1930s], in: Aimermaïkher, K., Bordiugov, G., Grabovskii, I. (eds), *Kul'tura i vlast' v usloviakh kommunikatsionnoi revoliutsii XX veka*, Moscow: AIRO-XXI.
- Dévid-Foks, M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletënnai? [Modernity in Russia and the USSR: absent, general, alternative or intertwined?], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, available from <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/4/modernost-v-rossii-i-sssr-otsutstvuyushaya-obshaya-alternativna-pr.html> (accessed 15.01.2019).
- Érenburg, I. (1935) Pis'mo Duse Vinogradovoi [Letter to Dusa Vinogradova], *Izvestiia*, 21 noiabria.
- Fishzon, A. (2011) The operatics of everyday life, or How authenticity was defined in Late Imperial Russia, *Slavic Review*, vol. 70, no. 4, pp. 795—818.
- Goldman, V. (2010) *Zhenshchiny u prokhodnoi: Gendernye otnosheniia v sovetskoi industrii (1917—1937 gg.)* [Women at the checkpoint: Gender relations in Soviet industry (1917—1937)], Moscow: ROSSPĖN.
- Goldman, W. Z. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Khoffmann, L. D. (2018) *Vzrashchivanie mass: Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm, 1914—1939* [The cultivation of the masses: Modern state and Soviet socialism, 1914—1939], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Koenker, D. P. (1995) Men against women on the shop floor in early Soviet Russia: gender and class in the socialist workplace, *The American Historical Review*, no. 5, pp. 1438—1464.
- Krylova, A. (2011) *Soviet Women in Combat*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Leshukov, T. N. (1985) *Vinogradovskimi marshrutami: Polveka stakhanovskogo dvizheniia tekstil'shchikov* [Vinogradov routes: Half a century of the Stakhanov textile movement], Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Lilti, A. (2018) *Publichnye figury: Izobretenie znamenitosti (1750—1850)* [Public figures: The invention of the celebrity (1750—1850)], St. Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.
- Liubimova, S. T. (1969) Iz istorii deiatel'nosti zhenotdelov [From the history of the activity of women's departments], *Voprosy istorii KPSS*, no. 9, pp. 68—77.
- Masteram vysokoi proizvoditel'nosti — podderzhku i vnimanie (1935) [Masters of high performance — support and attention], *Legkaia industriia*, 16 oktiabria.
- Morgan, S. (2011) Celebrity: academic “pseudo-event” or a useful concept for historians?, *Cultural and Social History*, no. 1, pp. 95—114.
- Nash kandidat — Nikolaï Smetanin (1937) [Our candidate — Nikolay Smetanin], *Izvestiia*, 21 oktiabria.
- Oushakine, S. A. (2014) “Against the cult of things”: on soviet productivism, storage economy, and commodities with no destination, *The Russian Review*, vol. 73, no. 2, pp. 198—236.
- Pervoe Vsesoiuznoe soveshchanie rabochikh i rabotnits — stakhanovtsev promyshlennosti i transporta: liudi stalinskoï zakalki (1935) [The first All-Union meeting of workers and workers — Stakhanovites industry and transport: people of the Stalinist school], *Pionerskaia pravda*, 16 noiabria.
- Plamper, Ia. (2010) *Alkhimiia vlasti: Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve* [Alchemy of power: The cult of Stalin in the visual arts], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Po primeru E. Vinogradovoi (1935) [Following the example of E. Vinogradova], *Legkaia industriia*, 26 sentiabria.
- Rakitnikov, A. N. (1938) *Evdokiia Viktorovna Vinogradova* [Evdokia Viktorovna Vinogradova], Moscow: Gospolitizdat.
- Rastët i shiritsia dvizhenie Vinogradovtsev i Smetanintsev. Premii initsiatoram-peredovikam (1935) [The movement of Vinogradovites and Smetaninets is growing and expanding. Prizes to the initiators of the foremost], *Legkaia industriia*, 6 oktiabria.
- Rech' ordenonoski E. V. Vinogradovoi, stakhanovki fabriki im. Nogina na soveshchanii stakhanovtsev v Narkomlegprome (1936) [Speech order socks E. V. Vinogradova, Stakhanovka factory them Nogin at a meeting of the Stakhanovites in the People's Commissariat], *Legkaia industriia*, 30 avgusta.
- Rech' tovarishcha N. S. Smetanina na VIII Chrezvychnom s'ezde Sovetov (1936) [Speech by comrade N. S. Smetanin at the VIII Extraordinary Congress of Soviets], *Legkaia industriia*, 27 noiabria.
- Shabatura, E. A. (2006) Gendernyi analiz obraza “novoi zhenshchiny” v sovetskoï kul'ture 1920-kh godov [Gender analysis of the image of the “new woman” in Soviet culture of the 1920s], *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 8, pp. 18—22.
- Siegelbaum, L. H. (1990) *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935—1941*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Sofronov, N. S. (1936) *Dusia Vinogradova* [Dusya Vinogradova], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Studlar, S. (2015) The changing face of celebrity and the emergence of motion picture Stardom, in: Marshall, P. D., Studlar, S. (eds), *A Companion to Celebrity*, Hoboken: John Wiley & Sons.
- Turner, G. (2013) Picture personalities, stars and celebrities, in: Turner, G. (ed.), *Understanding Celebrity*, Thousand Oaks: Sage Publishing.
- Vinogradova, E., Vinogradova, M., Lebedeva, E. (1935) *Nash metod raboty* [Our working method], Ivanovo: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ivanovskoi promyshlennoi oblasti.
- Volkov, V. V. (1996) Kontsepsiia kul'turnosti, 1935—1938 gody: sovetskaia tsivilizatsiia i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The concept of culture, 1935—1938: Soviet

civilization and the everyday life of the Stalin era], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1—2, pp. 194—213.

Wood, E. A. (1997) *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*, Bloomington: Indiana University Press.

Znatnye tkachikhi — studentki Promakademii (1936) [Noble weavers — students of the Promacademy], *Rabotnitsa*, no. 28, p. 9.

Статья поступила 05.02.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Наволоцкая Дарья Игоревна — аспирантка факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия, dnavolotskaya@eu.spb.ru (Post-graduate student at the Faculty of History, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation).